

Жених и невеста

Перевод с португальского ЕКАТЕРИНЫ ХОВАНОВИЧ

МЫ мчались друг другу навстречу по бесконечным коридорам, пролезали в люки, скакали по лестницам, открывали двери и, неумело прячась, занимались любовью. Мы превращались в два палящих солнца, в одну сплошную грудь и рот, сплетались ногами, кусали друг друга в подвалах, на чердаках, в гаражах; отчаянно влюбленные, мы обводили вокруг пальца тех, кто стерег нас, пользуясь только нам известными шифрами, взбираясь по крутым склонам, исчезая в тумане. Мы перешептывались, секретничали, мы общались, где только могли — в узких улочках города, на задворках, — неспособные оторваться друг от друга, безбашенные, неистовые любовники. Я называл ее своей невестой и рвал на ней одежду, она называла меня женихом и впивалась в меня зубами. Мы чувствовали себя живыми, как никогда, ведь мы были так далеки ото всех и переполнены поэзией. Но нельзя было терять бдительности. Каждый миг мы могли ощутить друг в друге пустоту, отсутствие тайны, утомительную симметрию — и все это могло в любой момент разлучить нас. На людях мы терпели, в одиночестве — томились. Ночь была нашей матерью, нашим откровением, нашим покровом.

Любовь длилась бы вечно, если бы все не раскрылось. Ладно, пусть будет как будет, умолял я, только не разлучайте нас. При свете дня мы чувствовали себя такими ничтожными перед превосходящими силами. Я отправился в один дом, она — в другой, полная изоляция.

— Ваш союз должен быть узаконен, — сказали они.

Отец разговаривал со мной непривычным тоном, упорно повсюду сопровождал меня, водил по магазинам, мои ноги тонули в коврах, я дышал кондиционированным воздухом. Что вообще происходило?

— Сынок (он не смотрел мне в глаза), ты стал взрослым.

Было смешно, но я не засмеялся. Что я мог себе позволить? Секретарша сидела у стола, демонстрируя ноги.

— Как это?

— Теперь ты приобрел определенный вес. А раньше ничего не представлял собой. У тебя когда-нибудь были друзья?

На меня повеяло духами секретарши, и накатило желание. Я отступил назад: это поддельная любовь пыталась проникнуть в меня.

— Друзья... у меня есть она, и... (я смутился и замолчал. Секретарша смотрела на меня).

— Женщины!.. — произнес отец. — Да их пруд пруди. Твоя вполне ничего, но это не важно.

Я ужаснулся.

— Пора тебе возмужать. Поэзией сыт не будешь.

Я промолчал.

— До сих пор ты был невесть кем, без корней, без биографии, болтался сам по себе. Ни на что не годный. Понимаешь?

Я все еще молчал. Он протянул ко мне руку со сверкающим перстнем:

— Очень хорошо. Молодец.

Я так не думал. Я не знал. Меня вели из комнаты в комнату, будто готовили к посвящению в колдуны. А жена?

— Она тебе не жена. Она твоя невеста.

— Я хочу видеть ее.

— Нельзя. У тебя еще будет время наглядеться.

— Мне бы поговорить с ней.

— Зачем?

— Услышать ее.

— Что за чушь! Ждать осталось недолго.

Я взмолился:

— Хочу любить ее!

Тут они замолчали, как мне показалось, проникшись чувством. Но нет. Помолчав, они заулыбались, и я растерялся. Потом рассмеялись. Да, они смеялись. Да что там! Они

надрывались от хохота, обступив меня, я один был серьезен, глупый, смешной, влюбленный. Чиновники, служащие, начальники канцелярии, курьеры и мой отец (от стыда он так и оцепенел с улыбкой на губах. Видно было, как он страдает). Я переводил взгляд с одного на другого, потрясенный, а они смеялись.

— Успеешь еще.

— Умница мальчик.

— Ты уж подготовься.

(— У него женщина-то была?)

Они гладили меня по голове, я ежился от страха. Когда я остался один у себя в комнате, ярость схватила меня за горло. Я успокаивал себя воспоминанием о своей женщине, о любви, о ее бедрах, о губах, о языке, о том, как мы ото всех сбежали. Боже мой, я терзал себя. Я мысленно ласкал ее, мою драгоценную птицу. От воспоминаний было больно, жгло невыносимо. Больше никогда, никогда не будет так, как раньше. Все теперь решалось раз и навсегда, я становился полноценным мужчиной, и это убивало нас обоих. Я пытался бежать через окно, сторожа меня поймали. Но время шло, оставляя отметины на лице, заветный день приближался, ежедневно — галочка в календаре. Меня снабдили одеждой, обувью, заверениями, друзьями, бывшими любовницами, оказалось, что я где-то когда-то путешествовал...

— Не нужно мне столько всего. Мне нужна она. Она и документы, и я уеду.

— Брось. Не глупи.

Их уверенность удручала. Оставаясь один, я занимался подсчетами, рассчитывал свое будущее. Надо только потерпеть этот нудный пролог, а там она станет моей, она будет вся моя, до того непредсказуемая, что я сгорю от любви. Нельзя было сходиться с ума. Я желал ее. Вдыхать ее запах, целовать ее, прикасаться к ней, убеждать себя: она все та же, она не умерла.

Меня водили в магазины, одевали. Примеряли на меня какие-то вещи, заставляли крутиться перед пятью зеркалами. Вдруг я понял: мои жесты — уже не мои, и походка моя стала жестче от напряжения, от замкнутости, от страха. Я прикидывался грубым, а в глубине души был все тот же слабак, ничтожество.

— А где она?

В ответ они улыбались. Явно воображали себе всякие гадости, заставляли себя ненавидеть. Мерзко тыкали меня кулаком в спину. Становилось нечем дышать, хотелось уйти медленно. Шестьдесят дней без нее.

Наконец — свежий воздух. Машина, покружив по темным улицам, остановилась у огромного храма. Мои ботинки сияли.

— Сюда, — улыбались они, указывая мне дорогу.

Я искал ее, я бросился вперед. Меня удержали:

— Успокойся. Не нарушай церемонию.

Мы вошли в коридор, в котором справа и слева стояли раскрашенные гипсовые фигуры, стрелы, пронзающие сердца, терновые венцы на голове, кровь на руках. Все выше меня ростом. Звуки органа полились под бессчетные арки зала. Впереди, у алтаря, фигуры в черном трясли колокольчиками. Мужчина в центре поднял руки, распахнув свою красную мантию. Он смотрел мне прямо в глаза. Я сделал еще несколько уверенных шагов:

— Пойдите.

Скосив глаза, я увидел свою женщину. Меня заставили снова смотреть вперед, но я чувствовал, что она рядом, почти вплотную ко мне, и тоже смотрит на высокого господина в мантии, на его лицо в морщинах и пятнах, похожее на старинную карту, с которой неумолимо сверлили нас сверкающие глаза. Серые строгие фигуры обступили нас, я был еле жив от тоски. Высокий господин подал знак, и музыка стихла. И тут он сказал:

— Навеки вечные должны соединиться мужчина и женщина, и повторятся они во все времена.

Бас его разносился эхом под темными сводами. Это было уже выше сил, это было невыносимо, невыносимо. Не сговариваясь, в отчаянии и страхе мы кинулись бежать. Мы бежали, ничего не видя перед собой, мы с нею, а тем временем эхо повторяло все громче и громче со всех сторон и изо всех уст, без ненависти, но и без участия, сверху, откуда-то с высоты, над нашими головами, чтобы мы слышали:

— ...И ПОВТОРЯТСЯ ОНИ ВО ВСЕ ВРЕМЕНА... ВО ВСЕ ВРЕМЕНА ПОВТОРЯТСЯ ОНИ...

Мы выбежали на улицу и помчались вперед. Я держал ее за локоть, уже предвидя будущее, предчувствуя нашу медленную смерть. Смерть, приходящую изнутри, как затухание огня. Мы спрятались в каком-то подвале. В полутьме трогали руками бетонные стены. Я поцеловал ее в губы, прижал к себе.

— Навсегда, любимый, навсегда, — повторяла она.

— Мы слабаки, девочка, как ты не понимаешь?

Я плакал. До нас доносился лишь городской шум, полупридушенный длинными коридорами. Мы посмотрели друг на друга.

— Шестьдесят дней, — сказал я.

— Я все та же, — простонала она, обнимая меня.

Я десять раз поцеловал ее в губы, будто пытаюсь искусственным дыханием оживить мертвеца. Она говорила:

- Теперь мы вдвоем.
- Но так всегда и было.
- Нас могут найти.
- Конечно, девочка моя.

В подвале я сорвал с нее одежду, укусил ее, кусал ее грудь.

— Когда я была одна, радовалась, думая о тебе.

— Я без тебя умирал каждую ночь.

— Не хочу возвращаться домой.

— Мы и не вернемся.

Пустые слова, мы это знали. Шум в коридрах становился все громче.

— Мне холодно, — сказала она.

Я накрыл ее тело своим обнаженным телом, и мы умолкли, и так и молчали, когда нас обступили с факелами, а мы, уже без слез, следили, как медленно умирает в нас пламя.